

Летающий челн медленно поднялся в небо над Городом Далёкого Журавля и взял курс на юго-запад.

Из-за резных оконных рам, покрытых сложным узором, донеслись глухие, мучительные звуки — кого-то наизнанку выворачивало кровью.

— Госпожа! — служанка в панике вложила в рот женщины пилюлю восполнения первозданной ци и принялась осторожно похлопывать её по спине, стараясь унять бушующую в меридианах духовную энергию. — Ну зачем вы так себя истязаете? Ваша душа была ранена ещё в поместье, когда второй молодой господин оставался дома. А теперь вы лично отправились в Школу Духовных Звуков! И ради чего? Он ведь даже не знает, через какие муки вы проходите. Этот неблагодарный упрямец даже не пожелал увидеться с вами! Позвольте мне выманить его хитростью и проучить как следует, чтобы облегчить вашу душу!

Шэнь Дуаньфэн прижала к губам шёлковый платок, но сквозь него снова просочилась алая кровь. Она слабо покачала головой:

— Не смей так говорить... Это я... я виновата перед моим Ланьэр...

— Но госпожа, как бы сильно вы ни винили себя, не нужно было браться за всё лично. Если ваши жизненные силы иссякнут, то в будущем... — Девушка осеклась, не смея договорить и выдать свой страх.

Шэнь Дуаньфэн горько улыбнулась:

— Любовь рождает тревогу, любовь рождает страх. С материнской нежностью всё точно так же. Раз уж это беспокойство пустило во мне корни, мне от него не уйти.

— Раз уж молодой господин не желает вас видеть, вам стоит уйти в уединение и постепенно восстановить силы. Пожалуйста, не изнуряйте себя заботами.

Шэнь Дуаньфэн глубоко, протяжно вздохнула:

— В день Собрания Чистых Бесед я не пришла лишь потому, что не вынесла бы его разочарованного взгляда. В клане Не моё слово никогда ничего не значило.

С этими словами она снова зашлась в судорожном кашле, выплеснув на платок очередную порцию крови.

Испуганная служанка поспешно уложила её на тахту, помогая принять позу для медитации, чтобы выровнять дыхание:

— Госпожа, умоляю, позаботьтесь о своём здоровье. Выбросьте всё из головы!

Каменная темница Пика Горького Моря

На следующий день Не Гэнлань пришёл в себя, когда солнце уже стояло в зените.

Он лежал боком прямо на колючих зарослях дикого терновника. Острая, пронизывающая боль вернула его к реальности, и в памяти медленно всплыло горькое осознание: вчера он так и не увидел мать. Преодолевая ломоту во всём теле, юноша молча вытер рукавом присохшую к губам кровь, с трудом поднялся и дочиста съел свой единственный за день скудный паёк, после чего снова провалился в беспамятство.

Когда он наконец очнулся во второй раз, раны всё так же ныли, а на душе по-прежнему было серо и уныло.

С трудом приняв сидячее положение, Не Гэнлань скрестил ноги. Раз уж от физической и душевной боли никуда не деться, оставалось лишь уйти в глубокую медитацию и попытаться полностью абстрагироваться от внешнего мира.

Вскоре его сознание очистилось, и он погрузился в состояние глубокого транса, потеряв счёт времени и забыв о собственном теле. Он даже не заметил, когда дежурные ученики принесли ему еду.

Начиная с четвёртого дня, юноша больше не притрагивался к пище.

Душевные терзания заставили его заблокировать все пять чувств, но в этой пустоте небытия он обрёл неожиданный покой и свободу.

Постепенно воздух в каменной камере начал насыщаться духовной энергией. Вокруг медитирующего юноши закружились невидимые потоки ци, устремляясь в его дантянь и растекаясь по чудесным меридианам.

Шёл пятый день. Еда оставалась нетронутой.

На шестой день он всё так же пребывал в трансе, полностью отрешившись от плотских нужд.

К седьмому дню многочисленные раны от шипов на его теле покрылись сухими корками, а растрёпанные пряди волос слабо шевелились от сквозняка, гулявшего по темнице.

Но юноша ничего этого не чувствовал.

На восьмые сутки срок заключения подошёл к концу.

Когда надзиратели со скрежетом отпирали засовы, неподвижно сидевший Не Гэнлань резко открыл глаза. Сначала он растерянно огляделся по сторонам, но мгновение спустя его взгляд прояснился, и в нём вспыхнула чистая, неподдельная радость.

Ему удалось направить ци в тело!

Совершенно позабыв о ноющих ранах, он вскочил на ноги, заворожённо оглядывая свои ладони, а затем прижал руку к нижней части живота.

Ещё в полудрёме он ощутил, как тончайшие струйки духовной энергии наконец начали просачиваться сквозь его духовный корень, поднимаясь вверх и мягко заполняя даньтянь.

Пусть это была лишь капля в море, но теперь он официально встал на путь совершенствования!

Тяжёлая железная дверь со скрежетом распахнулась.

— Не Гэнлань, твой срок окончен, выходи, — ровно произнёс вошедший дежурный ученик. — По возвращении строго соблюдай правила школы. Если попадешься снова, наказание будет куда суровее.

— Да, старший брат. Ученик запомнит этот урок, — вежливо отозвался юноша.

Тяжёлые мысли, терзавшие его все эти дни, мгновенно улетучились. Покинув мрачную темницу, Не Гэнлань вышел на площадку для остановки мечей у самого края Утёса Горького Моря. Внизу, между вершинами, колыхалось бескрайнее море пушистых облаков.

Небо над головой казалось пронзительно синим и чистым.

В этот миг ему показалось, что его жизнь, как бы тяжело ни складывалась её дорога, вовсе не так безнадежна.

По крайней мере, теперь он обрёл возможность совершенствоваться.

По крайней мере, на этом бескрайнем Материке Струящейся Луны у него появилась цель, ради которой стоило бороться. Радость новой жизни затеплилась в его груди.

Первым делом после освобождения Не Гэнлань отправился на Пик Целебных Снадобий, чтобы просить об аудиенции у Истинного владыки Цинъяня.

Он был уверен, что великий мастер даже слушать его не станет, однако посланный ученик вернулся на удивление быстро и кивнул:

— Ступай за мной.

Они вошли в величественный Дворец Пионов. Истинный владыка Цинъянь стоял посреди зала с бесстрастным лицом, не выдававшим ни гнева, ни милости.

Не Гэнлань вежливо поклонился и, не тратя времени на лишние предисловия, спросил, освободили ли Сюй Тяньтяня из-под замка и может ли он навестить друга.

Цинъянь сухо хмыкнул:

— А я-то думал, ты пришёл молить о пощаде для себя.

Гэнлань склонился ещё ниже:

— Владыка видит насквозь. Я знаю, что не причастен к порче «усов бессмертного», но у меня нет ни единого доказательства своей невиновности. Было бы верхом дерзости просить вас о снисхождении в такой ситуации.

На строгом лице старейшины промелькнуло удивление:

— Надо же, а ты не глуп.

— Значит... Истинный владыка верит, что я невиновен? — с надеждой спросил Не Гэнлань.

Цинъянь недовольно фыркнул:

— Я этого не говорил. Наказание за порчу редкого цветка по-прежнему лежит на тебе. Но учитывая, что ты сразу после освобождения пришёл узнать о здоровье Тяньтяня, я разрешаю тебе увидеться с ним.

— Благодарю вас, Истинный владыка, — искренне поблагодарил юноша.

Один из младших учеников вывел его из дворца. Они миновали несколько тенистых двориков и раскинувшиеся на склонах ухоженные аптекарские огороды, пока не остановились у небольшого уединённого флигеля.

— Младший брат Сюй сейчас у себя, его уже освободили из-под домашнего ареста. Проходи, — дружелюбно сказал провожатый.

Поблагодарив его, Не Гэнлань подошёл к дверям и негромко постучал.

Не успел он ударить по дереву в третий раз, как дверь с грохотом распахнулась, и наружу высунулась сердитая взлохмаченная макушка.

— Старший брат, сколько раз повторять: пока мне не разрешат повидаться с Не Гэнланем, можете не приносить мне еду! — сердито буркнул Сюй Тяньтянь, но, разглядев гостя, ошалело округлил глаза. — Гэнлань?!

Он мёртвой хваткой вцепился в плечо друга, затащил его внутрь и усадил за стол, торопливо наливая чай:

— Тебя отпустили? С тобой всё в порядке? Как ты себя чувствуешь?

Не Гэнлань собирался деликатно заверить его, что всё позади, но Тяньтянь, присмотревшись к его изодранной одежде и бледности, в ужасе вскрикнул:

— Какое там «в порядке»! Да на тебе живого места нет! Что эти изверги творили с тобой на Утёсе Горького Моря?!

Не Гэнлань лишь мягко улыбнулся и перевёл разговор на самого друга, расспрашивая, сильно ли досталось тому от строгого учителя.

— Да пустяки, — отмахнулся Тяньтянь. — Учитель запер меня в комнате и заставил переписывать старые медицинские трактаты. Скука смертная, но терпимо. Но ты-то! Откуда эти жуткие раны?

— В камере было много дикого терновника, а я слишком крепко спал и ворочался, — небрежно отшутился Не Гэнлань, после чего негромко добавил: — Кстати... мне удалось направить ци в тело.

Тяньтянь на мгновение замер, а затем буквально подпрыгнул на месте, восторженно показывая большой палец:

— Невероятно! Ты наконец-то сделал это! Теперь мы сможем совершенствоваться вместе, плечом к плечу!

Не Гэнлань искренне улыбнулся, глядя на его радость, но в следующую секунду перед глазами поплыли чёрные круги, комната покачнулась, и он без сил рухнул на пол.

Сквозь густую пелену обморока до его слуха доносились смутные, отдалённые голоса. Тяньтянь яростно спорил с кем-то, умоляя разрешить другу остаться на Пике Целебных Снадобий для лечения, но его слова заглушал суровый, непреклонный окрик Истинного владыки Цинъяня.

Вскоре сознание окончательно угасло, увлекаая его в бездонную тьму.

Когда он пришёл в себя, за окном уже сгущались сумерки. Он лежал на своей жёсткой постели в Обители Разносящихся Звуков.

На краю подушки лежал бумажный талисман передачи голоса. Почувствовав, что хозяин комнаты зашевелился, артефакт вспыхнул мягким светом, и из него зазвучал встревоженный шёпот Тяньтяня:

«Учитель запретил мне оставлять тебя на Пике, да и приходить к тебе в Обитель Разносящихся Звуков тоже не велел. Так что я стащил из его запасов целый флакон пилюль пламени Ли и засунул в твой мешочек вселенной. Как очнешься — обязательно прими одну!»

Гэнлань невольно хмыкнул. Узнаю Тяньтяня — в его репертуаре.

В комнате было тихо и пусто. Судя по длинным теням на полу, другие ученики ещё были на занятиях, но должны были вот-вот вернуться.

Гэнлань потянулся к своему мешочку вселенной и принялся искать лекарство. Запустив руку внутрь, он нащупал лишь несколько рассыпанных пилюль пламени Ли — всего шесть штук.

Но Тяньтянь ясно сказал, что украл целый флакон.

Юноша нахмурился. Он достал одну круглую пилюлю, закинул её в рот и проглотил. Тёплая энергия мгновенно побежала по венам, немного унимая внутренний озноб, но раны и последствия ледяного плена всё ещё давали о себе знать. Превозмогая слабость, Не Гэнлань решительно поднялся и направился к выходу.

Однако стоило ему дойти до площадки для остановки мечей, как он столкнулся лицом к лицу с возвращавшимися с занятий учениками во главе с Чжан Тао. Чжан Хупо, Вэй Си и вся их шайка шли вальяжным шагом, перешёптываясь и то и дело взрываясь скабрёзным хохотом.

Заметив идущего навстречу Гэнланя, они разом притихли, а их лица исказились глумливыми ухмылками.

— О, надо же, глядите-ка! Наш послушный мальчик вернулся! — глумливо протянул один из них. — Слыхали, как Сюй Тяньтянь тащил его на руках прямо в жилой павильон? Эй, недотрога, через сколько мужских рук ты уже прошёл? Самому-то не противно от собственной грязи?

— Да куда нам до его талантов! — поддакнул другой, театрально вздыхая. — Стоит ему приболеть, как тут же слетаются защитнички. Слыхали сплетню? Пока этот бедолага чах в каменном мешке, к нему аж сам старший брат Шо дважды наведывался! Уж не знаем, чем они там во тьме развлекались!

Шумный хохот прокатился по площадке.

Не Гэнлань крепко сжал кулаки под широкими рукавами. Его взгляд, холодный и тёмный, остановился на Вэй Си и Чжан Хупо. Сдерживая рвущуюся наружу ярость, он ровно произнёс:

— Верните мои пилюли.

Вэй Си воровато покосился на Чжан Тао и затараторил, стараясь скрыть дрожь в голосе:

— Да кто трогал твои паршивые таблетки?! Нечего тут на честных людей напраслину возводить! Сам растерял, а на других валишь, урод никчёмный!

— Что, прижало? Лекарств не осталось? — Чжан Тао шагнул вперёд, окинув его липким, оценивающим взглядом. — Решил прогуляться до старших братьев, чтобы они тебя приласкали и ранки полечили?

Толпа снова взорвалась издевательским смехом. Взоры, полные презрения и сальной похоти, буквально раздевали Гэнланя.

Юноша мысленно оценил ситуацию. Силы были слишком неравны: их много, а он только-только оправился от ран и едва освоил азы очищения ци. Лезть в драку сейчас — значит обречь себя на новые побои. Придётся смолчать и затаить эту обиду.

Не успел он сделать шаг назад, как Чжан Тао с мерзким смешком резко сократил дистанцию и грубо схватил его за предплечье.

— Какая нежная кожа... И пахнет от тебя как-то по-особенному. Неудивительно, что все эти благородные господа сходят по тебе с ума, теряя остатки разума.

От этого внезапного прикосновения дыхание Гэнланя перехватило. Лицо его вмиг утратило последние краски, кровь с шумом прилила к вискам, а в желудке поднялась волна такой острой, удушающей тошноты, что он не выдержал. Его согнуло пополам, и он шумно, с хрипом выплеснул содержимое желудка прямо под ноги обидчику.

Чжан Тао резко изменился в лице, быстро отпустил руку Не Гэнланя и, весь побагровев от ярости, прорычал: — Ах ты, ничтожная тварь! На кого это ты выблевал?!

Перед глазами Не Гэнланя всё завертелось. Лица стоявших вокруг учеников расплывались и двоились, оскаленные рты искажались в уродливых гримасах. Воспоминание о липких пальцах Чжан Тао на своей коже вызвало новый спазм, и его снова вырвало — на этот раз одной лишь едкой желчью.

— Какая мерзость! Пошли отсюда, от него воняет! — сплюнул сквозь зубы Чжан Тао и, зажав нос рукавом, поспешил прочь. Остальные потянулись за ним, бросая на юношу брезгливые взгляды.

Не Гэнлань остался один. Тяжело дыша, он достал чистый платок, утёр рот и опёрся о каменное основание ближайшей статуи, пытаясь удержать равновесие. Измученный желудок горел огнём.

Он попытался сделать шаг, но тело подвело его — ноги подкосились, и его снова вывернуло сухим, мучительным спазмом. Внутри ничего не осталось, кроме раздирающей боли в пищеводе. Гэнлань замер, глубоко вдыхая прохладный горный воздух, пока приступ наконец не утих. Немного придя в себя, он неверной, шатающейся походкой направился к краю площадки.

Оседлав послушного журавля, он взмыл ввысь, держа курс на далёкий Пик Небесного Механизма.

Ветер хлестал по бледному лицу, но взгляд юноши оставался мрачным и решительным.

Он мог стерпеть грязные сплетни, воровство, злые шутки и клевету. Но чужие грязные прикосновения были чертой, которую он никому не позволит переступить. Это было его личной запретной зоной.

Медлить больше нельзя. Пора действовать.

Пик Небесного Механизма

Верный журавль опустился на плиты Пика Небесного Механизма.

Не Гэнлань поспешил к жилым павильонам внутренних учеников и разыскал Сюй Паньди.

Девушка, едва взглянув на его измождённый вид, испуганно ахнула:

— Брат Не, что с тобой стряслось? На тебе лица нет!

Гэнлань слабо покачал головой:

— Сестрица Сюй, мне нужна твоя помощь... Не могла бы ты попросить девицу Цзюнь передать весточку молодому господину Мужуну?

Пик Небесных Пределов

Спустя четверть часа Гэнлань уже стоял на вершине Пика Небесных Пределов.

Мужун Чжэнсюэ, встретив его, тоже не на шутку встревожился, но, выслушав его короткую просьбу, без лишних вопросов повёл его к своему наставнику.

Хотя в глубине души молодой господин Мужун сильно сомневался в успехе. После того памятного первого урока полётов на мече Истинный владыка Дугу почти не показывался на глаза, ограничиваясь редкими наставлениями через талисманы связи.

Взвесив все за и против, Чжэнсюэ набрался храбрости и привёл друга прямо к Обители Осенней Радости — личному жилищу учителя.

Жестом попросив Гэнланя подождать в сторонке, он опустился на колени перед закрытыми воротами и громко произнёс:

— Учитель! Простите ученика за дерзость, но юный друг Не Гэнлань умоляет о срочной встрече. Дело не терпит отлагательств, поэтому...

Договорить он не успел: защитный барьер у ворот с тихим гулом растаял, и из глубины двора раздался низкий, слегка хрипловатый голос:

— Войдите.

Мужун Чжэнсюэ от удивления приоткрыл рот и бросил на стоявшего рядом юношу ошеломлённый взгляд.

— Брат Не, пойдём.

Они миновали извилистые крытые галереи Обители Осенней Радости, обогнули просторный внутренний двор, прошли мимо живописных беседок на воде и декоративных прудов, пока

наконец не вышли к парадному залу.

За всё время своего ученичества Чжэнсюэ бывал здесь лишь дважды. То, что наставник так легко впустил постороннего с первого же стука, казалось ему настоящим чудом.

Истинный владыка Дугу величественно восседал во главе зала. Его холодный, пронизательный взгляд скользнул по фигуре ученика и остановился на бледном лице Гэнланя.

— Зачем пожаловали? — бесстрастно спросил хозяин пика.

Чжэнсюэ ободряюще кивнул другу.

Гэнлань упрямо сжал губы, сделал шаг вперёд и решительно опустился на колени, трижды коснувшись лбом холодного каменного пола.

— Истинный владыка Дугу! Ничтожный просит дозволения стать вашим слугой-учеником на Пике Небесных Пределов! Молю о милосердии!

У Чжэнсюэ едва глаза на лоб не полезли от такой наглости.

Слухи о том, что владыка якобы собирается взять Гэнланя на пик в качестве прислужника, были лишь чьей-то праздной выдумкой, но этот парень принял их за чистую монету! Да и набраться такой смелости — явиться лично и требовать себе место подле великого мастера...

Однако на лице Истинного владыки Дугу не отразилось ни удивления, ни гнева. Он лишь с лёгким прищуром оглядел коленопреклонённого юношу.

— Вот как? — протянул он. — И какова же причина твоего рвения?

Подавляя подступившую к горлу дурноту, Гэнлань процедил сквозь зубы:

— Ничтожный устал от вечных нападков и незаслуженных унижений. На моих плечах лежит слишком тяжёлое бремя, и я лишь ищу тихий уголок для уединённого совершенствования. Услышав, что владыка благосклонно относится к моей кандидатуре, я набрался дерзости явиться лично и просить о защите.

Чжэнсюэ мысленно попрощался с жизнью.

Характер у его наставника был крайне непредсказуемым и суровым. Вывалить столь корыстные мотивы прямо в лицо великому совершенствующемуся — это было верным способом навлечь на себя смертоносный гнев.

Но Дугу Цанмян лишь хладнокровно хмыкнул:

— По крайней мере, ты честен со мной.

Чжэнсюэ показалось, что тень недовольства всё же промелькнула на челе наставника, грозя разразиться бурей. Испугавшись за друга, он поспешно заговорил, пытаясь смягчить углы:

— Учитель! Младший брат Не прост душой и не умышлял зла, молю вас не гневаться, я сам...

— Пусть остаётся, — негромко перебил его Истинный владыка.

— Что? — Мужун Чжэнсюэ опешил. — Но учитель...

— Обустрой его на новом месте, — бросил Дугу Цанмян.

С этими словами величественная фигура на возвышении растаяла в воздухе, оставив лишь лёгкое колебание духовной энергии.

Гэнлань удивлённо поднял голову и встретился взглядом с не менее потрясённым другом.

— Благодарю вас, Истинный владыка, — тихо произнёс он, отвесив последний земной поклон пустующему креслу.

То, что великий мастер так легко согласился укрыть его на своём пике, превзошло все самые смелые ожидания Гэнланя.

Он шёл сюда от отчаяния, готовый к любому исходу, и до последнего не верил в успех.

Вернувшись в Обитель Разносящихся Звуков, он сразу принялся собирать свои нехитрые пожитки.

Соседи по комнате недоумённо поглядывали на него, шушукаясь по углам и не понимая, что происходит.

Юноша молча складывал вещи в простенький мешочек вселенной и холщовый узел. Под конец на кровати осталась лишь аккуратно выстиранная и высушенная чёрная мантия. Он долго смотрел на неё, после чего бережно свернул и убрал на самое дно.

Нужно будет выбрать подходящий момент и вернуть её тому таинственному старшему брату.

Когда он уже стоял в дверях с узлом в руках, Чжан Хупо не выдержал и окликнул его:

— Эй, Не Гэнлань, ты куда это намылился?

Гэнлань медленно обернулся. Его ледяной, пронизывающий взгляд заставил шутника мгновенно прикусить язык и испуганно втянуть голову в плечи.

Под молчаливыми взглядами толпы юноша перешагнул порог Обители Разносящихся Звуков, сел на журавля и навсегда покинул Пик Чудесных Звуков, устремляясь навстречу новой судьбе.

На Пике Небесных Пределов его уже ждал Мужун Чжэнсюэ. Он сразу повёл его к заброшенному Безымянному дворику, что примыкал к Обители Осенней Радости.

— Учитель предупредил, что твоё пребывание здесь может быть временным, — вполголоса пояснил Чжэнсюэ. — Тебе поручат лишь простую работу вроде уборки территории. Но поскольку формально ты числишься его личным слугой, тебе положено жить по соседству, чтобы быть под рукой в случае вызова. Все формальности со Школой учитель уже уладил: отныне ты официально принадлежишь к нашему Пику.

Гэнлань и не надеялся остаться здесь навсегда. Найти временное пристанище уже было огромной удачей.

— Благодарю за заботу, брат Мужун. Мне этого более чем достаточно.

Прошлые невзгоды лишили его почти всей сменной одежды и скудных запасов духовных камней. Его старый низкоранговый мешочек вселенной ломился от вещей, к тому же ему позарез нужен был камень сохранения образов, чтобы впредь никто не смел клеветать на него.

Все эти артефакты стоили немало.

Юноша надеялся, что за время службы на пике ему удастся скопить нужную сумму на покупку хорошего накопителя и нового мешочка.

Пик Нефритового Костного Мозга

В глубинах Холодного источника плескался огромный серебряный дракон. Он обвил своими могучими кольцами медитирующего в воде мужчину, жалобно потираясь мордой о его плечо и

выказывая крайнюю степень уныния.

— Меч-цзунь...

— Почтенный мечом Цинхун...

— Брат...

— Ну умоляю тебя...

Бэймин Шо бился над старшим братом уже не первый час. Тот упорно игнорировал все его мольбы, а упрямый дракон в ответ наотрез отказывался принимать целебные пилюли для восстановления повреждённых меридианов.

— Кха-кха... Брат, мне так худо, — драконий хвост бессильно шлёпнул по ледяной воде, пуская по поверхности мелкую рябь. — Защитный барьер у ворот школы невероятно силен. Меня так приложило отдачей, что я несколько часов пролежал без чувств, харькая кровью. В груди всё горит, дышать не вмоготу...

Сидевший в воде мужчина недовольно дрогнул ресницами и слегка нахмурился.

Заметив это мимолётное движение, дракон воодушевился и запричитал ещё жалобнее, из последних сил разыгрывая смертельно раненую жертву:

— Эту формацию устанавливали сообща глава секты и старейшины. Сам знаешь, какая там сокрушительная мощь. Я словил двойную отдачу... Боюсь, мои дни сочтены.

После долгого и заунывного нытья великий Цинхун наконец не выдержал. Он медленно приоткрыл один глаз и ледяным тоном процедил сквозь зубы:

— Брысь с меня.

Обрадовавшись, что его хотя бы соизволили выслушать, Шо лишь плотнее сомкнул кольца вокруг его торса:

— Брат, ну уступи мне! Я же буквально на ладан дышу! Сжался над несчастным... Кха... уп...

От чрезмерного усердия его действительно скрутило, и изо рта дракона брызнула тёмная кровь.

Взгляд Цинхуна мгновенно посуровел. Стоило его мысленному приказу сорваться с губ, как

невидимая, но колоссальная сила подхватила огромную рептилию и швырнула прочь из воды.

С глухим звуком дракон шмякнулся о каменную колонну из яшмы душ и безвольно повис на ней, оббив столб в несколько колец.

— Не смей спускаться, — прозвучал суровый голос брата. — Сделаешь хоть шаг — твоя израненная душа рассыплется в прах.

Шо от радости едва не взвыл, его хвост возбуждённо замолотил по камню:

— Брат, так ты согласен?! Ты поможешь мне?!

Словно соткавшись из морозного тумана, белоснежные одежды сами опустились на плечи поднявшегося из источника мужчины, стягиваясь на талии широким поясом.

Почтенный мечом Цинхун бесшумно заскользил прочь, так и не удостоив упрямца ответом.

Но дракон сиял от счастья. Снова кашлянув кровью, он радостно закричал вслед уходящему силуэту:

— Брат, обещаю, я буду лечиться прилежно, как никогда!

Новость о том, что Не Гэнлань перебрался на Пик Небесных Пределов, разлетелась по школе со скоростью степного пожара.

Молодой господин Чжоу Янь в этот момент как раз тренировался на арене Пика Небесного Механизма. Услышав ошеломительное известие, он выронил оружие и с разинутым ртом уставился на сидевшего на трибуне Не Юньчжэня.

Он в пару прыжков преодолел расстояние до приятеля и, задыхаясь от возбуждения, выпалил:

— Юньчжэнь! Твой братец действительно устроился прислужником к Истинному владыке Дугу! Неужто сплетни не врут, и этот оборвыш умудрился затащить великого мастера в свою постель?!

Лицо Не Юньчжэня потемнело от ярости, а пальцы с такой силой впились в деревянные перила, что те жалобно затрещали.

— Каков подлец... — прошипел он сквозь зубы. — Даже темница на Утёсе Горького Моря не

сломала эту тварь. Надо же было умудриться пролезть к Дугу Цанмяну!

Ведь он изначально затеял всю эту травлю с порчей редкого цветка лишь для того, чтобы очернить имя сводного брата и лишить его малейшего шанса на покровительство великого мастера. Он хотел втоптать его в грязь навсегда!

И что в итоге? Мерзавец всё равно оказался на заветном пике!

Как такое возможно?! Неужели Истинный владыка ослеп?!

Видя, что Юньчжэнь буквально задыхается от злости, Чжоу Янь недоумённо покачал головой:

— Да ладно тебе... Неужто он и впрямь соблазнил старейшину, чтобы пробиться наверх?

Безымянный дворик

Гэнлань обустроился в небольшом флигеле по соседству с Обителью Осенней Радости.

Это место давно пришло в запустение: двор зарос сорной травой в человеческий рост, а на стенах скопились вековые слои пыли.

Юноша потратил полдня на уборку, наотрез отказавшись от помощи Мужуна Чжэнсюэ, который предлагал использовать очищающие заклинания. Ему хотелось сделать всё своими руками, чтобы ощутить причастность к этому новому, безопасному убежищу.

Чжэнсюэ лениво подпирал плечом косяк двери, развлекая друга разговорами и делясь местными новостями.

— Этот уголок пустовал с тех самых пор, как я себя помню, — рассказывал Чжэнсюэ. — Учитель — человек нелюдимый, учеников почти не берёт. Даже мне после официального посвящения он запретил переступать порог этого дворика, а уж убираться тут и подавно не велел. Удивительно, что тебе он разрешил здесь поселиться.

Гэнлань, не отвлекаясь от выметания пыли, спокойно заметил:

— Разве дело не в том, что отсюда мне будет проще явиться по первому его зову?

Чжэнсюэ хлопнул себя по лбу и весело рассмеялся:

— И то верно! Из головы совсем вылетело. Сам же об этом говорил, а теперь ищу скрытый смысл там, где его нет.

Взгляд Чжэнсюэ зацепился за висевший на гвозде холщовый узел. Он с любопытством спросил:

— Брат Не, а эти тканевые мешки — обычное дело в мире смертных? Все обычные люди путешествуют с такими узелками?

Гэнлань выдернул с корнем очередной пучок сорняков и бросил его в кучу:

— Да, у смертных ведь нет пространственной магии. Мой прежний мешочек вселенной забит до отказа, так что пришлось сложить остаток вещей в обычную ткань.

— Всего-то? — Чжэнсюэ оживился. — У меня в сундуках пылится куча отличных высокоранговых мешочков. Выбирай любой, какой приглянется, отдам просто так!

Гэнлань покачал головой с мягкой улыбкой:

— Ты забыл: те, кто ещё не накопил достаточно ци, просто не смогут открыть высокоранговый артефакт. К тому же я хочу заработать на новый накопитель сам, не полагаясь на чужую щедрость.

— Ах, моя оплошность, прости, — понимающе кивнул друг. — Что ж, будь по-твоему.

Юноша вытер пот со лба чистым платком, набрал ведро воды из колодца и принялся тщательно вымывать полы в комнате.

Проводив друга взглядом, Чжэнсюэ посмотрел на сиротливо висевший на двери узел и решил помочь занести его в дом. Однако, не разобравшись в хитром переплетении узлов смертных, он неловко потянул за край, и ткань разошлась.

Содержимое с негромким шорохом вывалилось на крыльцо. Среди немногочисленных вещей лежала роскошная мантия густого чёрного цвета.

Чжэнсюэ невольно замер, разглядывая её.

«Чёрное одеяние?.. Неужели это та самая мантия таинственного ученика, из-за которой по школе поползли те грязные слухи о тайных ласках? Зачем Гэнлань до сих пор хранит её?»

Несмотря на жгучее любопытство, он решил проявить деликатность и потянулся к ткани, намереваясь аккуратно сложить её обратно. Но в этот миг по двору пронёсся резкий порыв

ледяного ветра, и прямо перед ним беззвучно соткалась высокая мужская фигура.

От неожиданности Чжэнсюэ едва не рухнул на колени, выронив шёлк из пальцев. Но прежде чем ткань коснулась земли, невидимый поток духовной энергии подхватил её, и чёрная мантия плавно взмыла вверх, опустившись прямо в ладонь Истинного владыки Дугу.

— У-учитель! — испуганно выдохнул Чжэнсюэ, низко склоняясь. — Ученик лишь помогал брату Не обустроить жилище, я вовсе не отлынивал от тренировок!

Дугу Цанмян промолчал. Его длинные бледные пальцы медленно, почти осязаемо скользнули по плотному шёлку мантии, словно он пытался уловить едва заметный след чужой ауры.

Не дождавшись ответа, Чжэнсюэ осмелился на долю секунды поднять взгляд. Этого короткого мига хватило, чтобы заметить, как на лице наставника промелькнуло некое странное, мрачное чувство, которое тот тут же скрыл за маской привычного ледяного равнодушия.

Ученик поспешно уткнулся взглядом в землю, делая вид, что ничего не заметил.

— Чья это вещь? — негромко спросил Дугу Цанмян, и в его ровном голосе слышался опасный холод.

<http://bllate.org/book/20023/1994765>